

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(470) (091) "18"
ББК 87.3(2)

Ю.М. Микитюк

Органическая теория как фундамент почвенничества

В статье рассматриваются основные положения «органической теории», раскрывается ее место в идеологии почвенничества. Анализ таких понятий, как народ, народность, нация позволяет раскрыть решение почвенниками проблемы соотношения национального и общечеловеческого.

This article discusses the basic statements of the "organic theory", it also reveals its place in the ideology of Pochvennichestvo. The analysis of such concepts as nation, nationality, nation may allow to solve the problem of the relationship between national and universal by the representatives of this ideology.

Ключевые слова: «органическая теория», нация, народ, национальное, «почва», Григорьев, Страхов, Достоевский.

Key words: «the organic theory», nation, people, national, "soil", Grigoriev, Strahov, Dostoevsky.

Общие принципы, которые легли в основание почвенничества, определили тот особый философский угол зрения, под которым А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов и Ф.М. Достоевский смотрели на мир и общество. Совокупность этих принципов получила название «органической теории», или «органического взгляда». Основные положения «органической теории» были сформулированы А.А. Григорьевым, а систематизированы и развиты Н.Н. Страховым. Немаловажную роль в популяризации этих принципов сыграл Ф.М. Достоевский.

Почвенники рассматривали мир как некий целостный организм. Для них единство мироздания определялось схождением всех эволюционных процессов к человеку как «пределу природы». Н.Н. Страхов, опираясь на Шеллинга и славянофилов, писал, что главной особенностью организма является то, что в нём «всё связано и находится во взаимной зависимости и гармонии..., каждая часть и каждое явление определённого организма имеет на себе особый отпечаток, отражают на себе особенность целого» [17, с. 161]. А.А. Григорьев также подчеркивал, что организм «есть нечто

цельное, неделимое, законченное в самом себе, монада, развивающаяся по своим собственным законам»¹.

Организм, в отличие от механизма, проникнут жизнью, или универсальной витальной силой. Поэтому у почвенников категория «жизнь» стала одной из важнейших. А. В. Богданов показал, что в представлениях А. Григорьева и братьев Достоевских «организм», «жизнь», «жизненный процесс», «живые силы» складываются в устойчивый синонимический ряд понятий, наиболее точно передающих до конца невыразимую смысловую глубину реальности [2, с. 30]. По мнению почвенников, центральное место в ней принадлежит человеку.

Страхов в работе «Мир как целое» пишет: «Человек есть вершина природы, узел бытия» [18, с. vii]. Он не ограничивается общим суждением об одухотворённом единстве мироздания. Это единство выражается через отношения субординации и координации его элементов. Н.Н. Страхов решительно утверждает, что «мир есть стройное целое, или, как говорят – гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений» [18, с. vii]. Человек является центром вселенной, а потому вся философия имеет целью познавать жизнь. «Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое; он есть главная сущность и главное явление, и главный орган мира» [18, с. viii].

Признавая в качестве своих истоков философию Шеллинга и Гегеля, почвенники подчеркивали оригинальность собственных воззрений. Например, Григорьев, называя себя человеком «трансцендентальной закваски», по сути, шеллингианцем [6, с. 130], высказывал принципиальное несогласие со всей немецкой классической философией, потому что она, с его точки зрения, не решает главную задачу всякого знания – достичь органического тождества с жизнью или прогрессирующего единства мышления и бытия, духа и мира, хотя и демонстрирует при этом впечатляющие философские результаты.

По мнению А. Григорьева, русская мысль не могла остановиться на промежуточных результатах, которых достигли Шеллинг и Гегель, а пыталась пойти дальше, предложить свой путь, в частности, выработать «органическое воззрение». Такому воззрению «суждено, может быть, раскрыть беспредельную, но несколько смутную глубину этой бездны света, которая, сказавшись сначала системою трансцендентального идеализма, вызвала как своё полное диалектическое развитие гегелизма (но не гегелистов), и как философия природы указала только пока ещё путь человеческому мышлению, ибо и философию мифологии, и философию откровения нельзя считать пока ничем иным, как "зияние бездны", мол-

¹ Цит. по работе Д. Аверкиева [1, с. 3]

нию, озаряющей нам путь...» [4, с. 174]. Григорьев не сомневался, что реальность в целом есть живой одухотворённый организм. Единство мира состоит в его идеальности, по-разному проявляющей себя в растительном, животном царствах, в человеке и космосе. Следовательно, путь к истине тождествен пути к органически одухотворённой жизни.

Западноевропейская мысль не может пройти указанный путь до конца. Например, Н.Н. Страхов утверждал, что современная ему европейская мысль переживает эпоху тотального кризиса. Этот кризис связан с избыточным оптимизмом новоевропейского разума, с верой в науку, технику, прогресс, с наивной убеждёностью, что человеческое общежитие нуждается в перестройке по схемам рационалистов «ум человеческий вздумал распорядиться жизнью» [21, с.152]. Очевидно, что Страхов здесь выступает против позитивистов, о которых, впрочем и у Достоевского, сказано немало. Ориентация на жизнь, а не на теорию, причем ориентация на русскую жизнь, а не на европейские заимствования – вот главные ориентиры и Достоевского, и Григорьева, и Страхова. Таким образом, в качестве фундаментального основания почвенничества как единого мировоззренческого комплекса выступает «органическая теория». Рассматривая природный, социальный и духовный миры как иерархически упорядоченное, живое целое, органическая теория утверждает не только неисчерпаемость его познания, но и принципиальную невозможность адекватного постижения иррациональных глубин «живого целого» традиционными эмпирическими и логико-дискурсивными средствами.

Почвенники ориентировались на «метафизику сердца» И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, а также тяготели к объективному идеализму шеллингианского толка. «Сердце» здесь является органом целостного «схватывания» мира как смыслового тела. Почвенники предлагали преодолеть разрыв между отвлеченной теорией и постоянно меняющейся жизнью так, чтобы самопознание стало «веянием жизни», её органической частью. «Это достигается, по мнению почвенников, за счёт отказа от претензий любого концептуального построения на полноту и завершённость, а также за счёт провозглашённого ими «принципа дополнительности», согласно которому строгий категориальный синтез должен быть дополнен синтезом художественным и образным. В противовес популярному тогда в России лозунгу союза философии и естествознания «органическая теория» выдвинула идею союза философии и литературы как способ зафиксировать живую органику бытия» [2, с. 44].

Почвенники интерпретировали реальность и способы её познания в ноуменально-онтологическом ключе. Поэтому Богданов утверждал, что ««органическая теория» предстаёт как оригинальная совокупность специфической установки сознания, познавательных процедур, интуиции и художественных образов, призванная выразить искренно русский, почвенный взгляд на окружающий мир, общество и человека» [2, с.44].

Формулируя мировоззрение почвенников, Достоевский писал, что всё дело в понимании слова «народность». Необходимо соединиться с народом как можно крепче. Данный вопрос, по мнению почвенников, для России более острый, чем для любой Европейской страны. Многие считали, что причины тому в социальных реформах Петра I, которые раскололи общество. А вот почвенники имели другой взгляд. «В данном случае не социальное неравенство порождает взаимное отчуждение, — пришел к выводу Богданов, — а духовно-нравственное отчуждение, спровоцированное Петром I, окончательно ослабило некогда бывшую общность сословий, предельно обнаружив и усилив социальное неравенство. А реальная политическая практика Петра I и его преемников лишь довершила дело» [2, с. 56]. Но указанная Богдановым общность отсутствовала в русском обществе и до Петра I. Например, В.О. Ключевский в своем курсе русской истории показал, что дворянское сословие было оторвано от других сословий в самом начале своего формирования. Таким образом, говорить о какой-либо общности сословий в Московской Руси не приходится.

При этом общий взгляд был таков: между народом и дворянством, между европейской образованной частью общества и массами пролегает духовная, ценностная, психологическая пропасть. Здесь Достоевский разделяет концепцию славянофилов о том, что Петр I разделил Россию на «народ» и «общество», проще говоря, оторвал часть интеллигенции от «родной почвы» и стал воспитывать её на идеалах западноевропейской цивилизации. В предисловии к циклу «Ряд статей о русской литературе. Введение» Достоевский изложил основные идеи своей программы. Суть статьи в следующем: Россия отличается от европейских стран меньшими сословными и личными раздорами, большей национальной цельностью, «всепримиримостью, всечеловечностью» [11, с. 69].

По этой причине для почвенников было важно заменить умонастроение интеллигенции, сделать ответственным и осмысленным социальное поведение её представителей, а также наделить русскую интеллигенцию глубоким пониманием отечественной истории, а значит, и современности. По мнению почвенников, главная задача современности — дальнейшее единение образованных сословий с «почвой», для чего, прежде всего, необходимо просвещение народа [13, с. 60]. Народность, в понимании Достоевского и всей редакции журнала «Время», имеет символы, которые необходимо расшифровать, и наиболее значимые из них — «почва» и «земля». Страхов Н.Н. так определил понятие «почва»:

«Под именем почвы разумеются те коренные и своеобразные силы народа, в которых заключаются зародыши всех его органических проявлений... Когда о народе говорят, по аналогии, как о почве, то почва здесь

разумеется не в геологическом смысле и не в агрономическом..., а в смысле органической географии. В смысле этой географии почва означает часть земной поверхности, отличающуюся известным характером своих растений» [18, с. 113–115].

Страхов при этом не был апологетом официального патриотизма и заскорузло националистического отношения к жизни [19, с. 10].

В целом почвенники обличали оторванность общества от народа, говорили о сближении с народом, с «почвой», в которой они видели подлинное выражение русского национального характера. Почвенническое мировоззрение отличалось враждебным отношением к буржуазному прогрессу и имело резко отрицательное отношение ко всему буржуазному Западу. Невзирая на это, представители почвенничества имели прекрасное знание западной культуры. В связи с тем, что органическое развитие России было основным устремлением почвенников, нам важно верное понимание того, что есть нация, народ, национальное и общечеловеческое в исследуемом мировоззрении. Определение этих терминов для почвенников являлось жизненно важной задачей. В их понимании, от этого зависело быть или не быть русской нации.

Для выделения отдельных племён из всего человечества, по мнению П.П. Сокольского, необходимо наличие двух факторов: «центра тяжести» и «точки опоры». Это духовность общности и земля, особенная территория проживания. В ответ на различные выпады против почвы и народности в журналах «Современник», «СПб. Ведомости» и других за 1863 г. он пишет: «*Национальностью* мы называем ту народность, которая успела сложиться в политический организм, выработать свою цивилизацию и стать обязательною в истории развития человечества» [16, с.231]. Как мы видим из данной статьи, Сокольский считает, что национальность, предъявив свои права, отстаивает их. Таким образом, определением национальности является самосознание. И все-таки, несмотря на подобные высказывания, можно говорить о том, что почвенники в решении проблемы нации не имели чёткой отрефлексированности понятий и терминологического единства. Они объединялись общностью исходных принципов анализа и конечных выводов.

В ряде своих статей А. Григорьев изложил основы почвеннического взгляда на проблему «народ и история». Народ, с точки зрения А. Григорьева, не просто группа людей, объединённая общим языком, территорией и культурной традицией. Народ, прежде всего, понимается как «народный организм», которому свойственна надындивидуальная целостность и единство. Такой «народный организм» выступает основным субъектом истории и составляет вместе с другими народами её живую органическую ткань [3, с. 50]. А. Григорьев проследил историю пред-

ставлений о народности в русской мысли и пришёл к выводу, что без знакомства с этой историей нельзя понять спора славянофилов с западниками. По мнению Григорьева, «Философическое письмо» Чаадаева было реакцией на неверное представление о русской народности (истории и жизни), выраженное Карамзиным, который, в свою очередь, впервые взглянул на историю России с европейской точки зрения, применив к ней идеалы человека Запада. Григорьев считал, что такой взгляд Карамзина был ошибкой, потому что народность была истолкована неверно [7, с. 493–504].

Он утверждал, что Чаадаев не понял главного, а именно того, что «сама народность несколько не виновата в её фальшивых представлениях». Не поняла этого и «вся его школа», т. е. западники [7, с. 519–520]. Также Григорьева не удовлетворяла и славянофильская интерпретация народности. Он говорил, что славянофилы, подобно сторонникам пуританской идеологии, видят народность только в крестьянстве, которое связывается у них со старым барством, и совсем не видят великорусской промышленной стороны России. В письме Михаилу Погодину он писал:

«Как со славянофильством, так и с западничеством расходится исповедуемая мною правда в том ещё, что и славянофильство, и западничество суть продукты головные, рефлексивные, а она, *ten bien que mal* (с грехом пополам), порождение жизни... Мы не ученый кружок, как славянофильство и западничество: мы – народ» (Цит. по работе Б.Ф. Егорова [12, с. 198]).

В дальнейшем у почвенников сформировалось убеждение, что на протяжении веков в каждом народе формируются обычаи и верования, которые затем станут частью общенародного целого. Будет неверным сказать, что данные убеждения являются чисто почвенническими. И.Г. Гердер был одним из тех, кто первым выдвинул идею современного национального государства, которое формируется духом народа, проживающего на данной территории. Он считал, что генетический дух и характер народа необъясним и неугасим; он стар как народ, стар как страна, которую этот народ населял.

Итак, человечество, по мнению почвенников, не имеет индивидуальности, но её имеют народы, расы, семьи, типы и личности. Народность есть индивидуальность нации, коллективное сознание, характерное и типичное только для данного народа как целого. В подтверждение этому приведём высказывание Н.Н. Страхова:

«Хорошо только то общество, в котором сильна и свежа эта общая историческая жизнь, в котором каждый член чувствует под собой эту почву, этот родной авторитет. Напротив, жалко и ничтожно то общество, в котором этого авторитета нет, в котором каждый член целую жизнь носится и нянчится с одними собственными мыслями» [19, с. 30].

Хотя почвенники и понимали народ как единую целостность и основной субъект исторического развития, они не возвышали приоритет нации над личностью. Исходя из этого, будет неверным характеризовать почвенничество как националистическое течение. По мнению почвенников, человек не подчинён национальным интересам. В идеале между личностью и нацией не может существовать отношений господства и подчинения, так как личность есть органическая часть нации. Выражая себя друг через друга, «взаимопроникая», личностное и национальное находятся в сложном диалектическом отношении. Почвенники критиковали идею поглощения личности общностью в славянофильстве. Для них понятия «коллективизм» и «централизация» были чуждыми духу русского народа и определялись как рождённые в западноевропейской традиции. Об этом А. Григорьев писал: «Германо-романская национальность выработала идею централизации, то есть поглощения личности общностью, всё равно будет ли эта община папство, ветхозаветная республика пуритан, террор Конвента или фаланстера Фурье» [8, с. 192]. Идеал почвенничества был близок православной идее соборности, «воцерковления земного порядка».

Ф.М. Достоевский в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861г. писал:

«Мы не Европа, и у нас не будет и не должно быть победителей и побеждённых. [...] Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, точно так, как мы бы не могли носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке. Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [9, с. 36].

Такое неприятие исходило из понимания народности. Самой острой критике они подвергали тезис о том, что все формы социальной, политической, экономической и культурной жизни, выработанные в Западной Европе, являются наиболее прогрессивными и совершенными по отношению к формам, выработанным любыми другими нациями и народами. То есть эти формы приобретают «общечеловеческий статус». По утверждению Н.Н. Страхова, западники воспринимают западное как общечеловеческое. Но для почвенников народные инстинкты слишком чутки ко всякому посягательству со стороны, что нивелировать всякий народ по одному определённому идеалу по своей сути деспотично.

Почвенники считали, что выработанные формы жизни только Западом ни в коей мере не могут являться общечеловеческими. Невозможно ограничить весь мир только идеалами Запада.

«Нет, тогда только человечество и будет жить полной жизнью, когда всякий народ разовьётся на своих началах и принесёт от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону» [10, с. 7].

Для всего человечества будет более полезным развитие каждой нации.

«Прежде чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому что только после тщательного изучения национальных интересов будешь в состоянии отличать и понимать чисто общечеловеческий интерес» [10, с. 19].

Такой взгляд на «общечеловеческое» лёг в основу мессианской концепции Достоевского, выраженной наиболее ярко в его «Пушкинской речи», в которой утверждалось, что характер русского народа имеет такой идеал, как «всечеловеческое, всепримиримое, всечеловеческое» [11, с. 69].

Таким образом, в вопросе о соотношении национального и общечеловеческого почвенники придерживались общечеловечно-исторического национализма. Почвенники считали, что нет человечества вообще, есть реальная жизнь и взаимодействие отдельных наций и народов. «Общечеловеческое» – понятие отвлечённое и неорганическое, служащее лишь прикрытием чьего-либо узаконенного интереса, а также вредной теории и практики унификационализма. Проблема нации в условиях утраты идентификационных ориентиров после грубой, насильственной европеизации России казалась идеологам почвенничества особенно острой и жизненно важной. Нация понимается ими как народность, сложившаяся в политический организм и обладающая независимой государственностью. При доминировании духовной общности основу нации составляет единство природно-географических и культурных факторов.

Всё вышесказанное позволяет рассматривать почвенничество как важный теоретический источник концепции культурно-исторических типов, ставшей наиболее последовательным выражением взглядов почвенничества на проблему соотношения национального и общечеловеческого.

Список литературы

1. Аверкиев Д. Аполлон Александрович Григорьев // Эпоха. – 1864. – № 8.
2. Богданов А. В. Почвенничество. Политическая философия А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова. – М., 2001.
3. Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значения и приёмы современной критики искусства // Григорьев А. А. Искусство и нравственность. – М., 1986.

4. Григорьев А. А. Критическое обозрение // *Время*. – 1861. – № 4.
5. Григорьев А. А. Несколько слов о Ристори // *Время*. – 1861. – № 2.
6. Григорьев А. А. Нечто весьма скандальное о веяниях вообще // *Эпоха*. – 1864. – № 3.
7. Григорьев А. А. Сочинения. – СПб., 1876. – Т. 1.
8. Григорьев А. А. Явление современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения // *Время*. – 1861. – № 4.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. I–XXIII. – Пб., 1911 – 1918. XVIII.
10. Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков // *Достоевский Ф.М. ПСС*. – Л. 1978. Т. 20.
11. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // *Достоевский Ф. М. ПСС*. – Л., 1978. Т. 18.
12. Егоров Б.Ф. А. Григорьев – критик // *Учен. зап. Тарт. ун-та*. – Тарту, 1960. Вып. 98.
13. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев. – М.: Мол. Гвардия, 2000 .
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1985.
15. Словарь античности / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989.
16. Сокольский П. Наши главные спорные пункты // *Время*. – 1863. – № 4.
17. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – СПб., 1890.
18. Страхов Н. Н. Мир как целое. – М., 2007.
19. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма, 1861–1865. – СПб., 1890.
20. Страхов Н.Н. Литературная критика: сб. ст. – СПб.: РХГИ, 2000.
21. Страхов Н.Н. Опыт изучения Фейербаха // *Эпоха*. – 1864. – № 6.